

РЕЦЕНЗИИ

О. Мязотс

ОЗ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

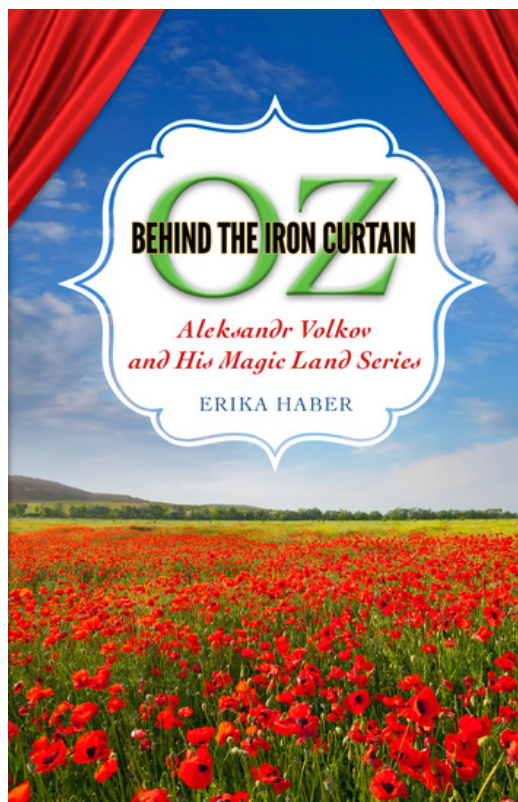
Рец. на: Haber Erika. Behind the Iron Curtain. Aleksandr Volkov and His “Magic Land” Series. Jackson: University Press of Mississippi, 2017.

Американская исследовательница Эрика Хабер обратилась к теме, которая так очевидно требует изучения, что удивительно, почему до сих пор не появилось подробных исследований этих двух книг. Два волшебных сериала — книги американского писателя Фрэнка Лаймена Баума о Стране Оз и сказочные повести Александра Мелентьевича Волкова о Волшебной стране — не просто любимые детские книги многих поколений читателей, но и популярнейшие мемы XX в. Причем в США и в России эти книги, созданные в различных условиях и с разными задачами, воспринимаются как образцы именно национальных волшебных сказок — американской и русской (советской) соответственно. И в то же время при очевидной популярности этих циклов книг у читателей ни сами книги, ни их авторы не вызывали интереса у исследователей и критиков. Так, Эрика Хабер отмечает, что «как минимум половина критических работ по истории литературы, совершенно игнорируют и не упоминают серию Баума о Стране Оз» (с. 125). Творчество Волкова также редко удостоивалось внимания критиков и исследователей. Не написаны еще и полные достоверные биографии обоих писателей.

Эрика Хабер поставила перед собой задачу не только восполнить этот пробел, но и проанализировать причины столь явной недооценки знаковых культурных явлений. Исследовательница формулирует следующие главные вопросы:

1. Какие качества известной американской сказки помогли ей преодолеть культурные барьеры и стать популярной за «железным занавесом», где американские ценности и идеалы были явно непопулярны?

2. Как Волкову удалось перенести и приноровить образцовую американскую сказку так, что она не только стала отвечать требованиям,

предъявлявшимся к советской детской литературе, но и тронула сердца юных читателей в Советском Союзе и в Восточном Блоке?

Эрика Хабер отмечает общность судеб Баума и Волкова: оба автора стали литераторами в зрелом возрасте, после 40 лет; их книги оказались более известны, чем сами авторы; оба не собирались изначально писать продолжения, но сказочные сериалы, став успешными проектами массовой литературы, продолжались и после смерти их авторов.

Стремясь уйти от тенденциозной политизированности, которую Хабер усматривает в работах многих критиков (как советских, так и американских), исследовательница максимально расширяет культурно-исторический контекст, на котором строит свое исследование. В книгу включены не только главы, посвященные биографиям обоих писателей, но и подробные очерки истории двух стран, причем не только истории культуры, но, например, и очерк истории Сибири конца XIX—начала XX вв. — времени, которое предшествовало рождению русского писателя и, возможно, повлияло на его характер и мировосприятие.

Главы, посвященные русской детской литературе, представляют собой не только обстоятельный очерк литературного процесса периода создания повестей Александром Волковым, но политических и исторических событий, влиявших так или иначе на его творчество. Более того, автор монографии вводит читателя в широкий контекст подробностей по истории русской детской литературы с XVII в. до современности — что представляет несомненную ценность не только для американского читателя, незнакомого с русской детской литературой, но и для читателя русского, поскольку подобных исторических обзоров у нас явно не хватает.

Изучение литературного наследия Баума и Волкова дополнено в монографии очерками об иллюстраторах их книг, а также

сведениями об экранизациях, театральных постановках и многочисленных сиквелах, написанных другими авторами.

Один из основных вопросов, который неизбежно встает перед теми, кто пробует сравнивать книги о Стране Оз с русскими сказочными повестями о Волшебной стране, это, конечно, вопрос о том, следует ли считать «Волшебника Изумрудного города» Александра Волкова переводом или пересказом «Волшебника Страны Оз» Фрэнка Баума. Американская исследовательница рассматривает книгу Волкова в контексте русской традиции перевода, посвящая отдельную главу истории переводов детской литературы в России. Хабер приходит к выводу, что адаптации были весьма распространены в русской издательской практике. Анализируя два принципа подхода к переводу — доместикация и форенизация — Хабер приводит в качестве примеров первой «Айболита» Корнея Чуковского и «Буратино» Алексея Толстого и делает вывод, что «в ранней советской культуре заимствования контента и радикальная переработка его формы, то есть переписывание оригинального текста, считалось вполне приемлемым, и даже предпочтительным, поскольку позволяло привести текст в соответствие с советской идеологией и требованиями цензуры» (с. 146). В то же время она считает, что «Волков следовал в переводе принципам форенизации» (с. 145), и, отмечая высокие художественные достоинства «Волшебника Изумрудного города», называет книгу «переработанной и улучшенной версией книги Баума» (с. 3). Эрика Хабер указывает, что «вместо перевода или адаптации, усилия Волкова были направлены на переписывание, включавшее добавления, расширение и прибавление со значительным упором на точность и логику. Таким образом, это была не идеологическая ревизия, но педагогическая, нацеленная на создание лучшего воспитательного воздействия на читателя-ребенка» (с. 148).

Задавшись вопросом о том, что способствовало адаптации американской сказки в советской детской литературе, Хабер отмечает сходство в отношении к детским книгам и чтению в обеих странах в 1920-е гг.: «В Соединенных Штатах и в России контроль за детской литературой и чтением, педагогические идеи и издательская практика были во многом весьма схожи. Советское государство как еще одно общество-первопроходец, пытающееся привить будущим поколениям новую систему ценностей, основанную в значительной степени на отрицании старой культуры, в своих попытках создать после революций собственную оригинальную детскую

литературу, сталкивалось со схожими проблемами. Фактически Со-единенные Штаты и Советский Союз в двадцатые годы развивались параллельно в их отношении к детскому чтению и воспитанию, особенно в их склонности на раннем этапе к заимствованиям и адаптациям иностранной литературы и педагогических идей» (с. 71).

Погружение в исторический контекст позволяет Хабер высказать интересные соображения о сходстве дискуссий, посвященных предназначению детской литературы, которые велись в США и в СССР в 1920-х гг., и помогает выдвинуть предположения о причинах, по которым книги Баума и Волкова не вызывали одобрения (и внимания) у критиков, библиотекарей и учителей, боровшихся в то время как с низкопробной массовой литературой, так и с «вредной» волшебной сказкой. Однако для русского читателя будет интересно отметить очевидный парадокс: в Советском Союзе сказка Баума, гонимая в США критиками и библиотекарями, считавшими, что истории о Стране Оз «не дотягивают до стандарта качества детской литературы» (с. 126), была встречена с одобрением С. Я. Маршакom, последовательно и решительно отстаивавшим высочайшие критерии качества в детской литературе.

Какие же качества сказки Баума помогли Волкову ввести американскую историю в политизированную советскую детскую литературу? Хабер отмечает, что в 1930-е исторические повести, адаптации мировой литературы для детей и зарубежные сказки оставались разрешенными жанрами, если их можно было трактовать как выражение социалистических идеалов и аргументировать необходимость их издания тем, что они способствуют воспитанию соответствующих моральных качеств. Также исследовательница делает предположение, что обращение к адаптациям зарубежной детской литературы помогало советским писателям избежать клише соцреализма.

Сравнивая книги Баума и Волкова, Эрика Хабер отмечает близость американской и советской сказки. Так, американская сказка утверждает, что следует надеяться не на волшебство и чудо, а на то, что сделано своим трудом, и эта трудовая мораль бесспорно соответствовала советским идеалам. В то же время, создавая свою сказку, Волков подчеркнул значение дружбы, усилил роль коллектива и показал ценность взаимовыручки, что отмечали и русские исследователи его творчества.

Однако Хабер делает вывод, что не схожесть моральных принципов, а именно литературные достоинства способствовали популярности сказки о Стране Оз в пересказе Волкова в Советской

России. И это дает исследовательнице повод порассуждать о принципах критики и оценки детских книг, продемонстрировав на примере книг Баума и Волкова весьма часто встречающееся различие между оценками детей-читателей и взрослых специалистов по детскому чтению и детской литературе. Таким образом, Хабер подходит к извечному вопросу о назначении детской литературы: должна она учить или развлекать, воспитывать или воодушевлять? И отдает предпочтение художественным достоинствам детской книги.

Вынеся в заглавие своей монографии термин «железный занавес», Эрика Хабер вслед за своими предшественниками в России и США исследует политические и идеологические аспекты адаптации и рецепции сказок Баума в СССР и делает предположение, что книга Волкова «Волшебник Изумрудного города» могла использоваться в пропагандистских целях в годы «холодной войны», демонстрируя русскому читателю бедную Америку. Но в то же время Хабер приходит к заключению, что книги Волкова не следует трактовать как образчики советской пропаганды, подобная политизация ведет к нежелательному искажению фактов и мешает рассмотрению творчества Фрэнка Баума и Александра Волкова в контексте детской литературы. «Чтобы выявить истинное новаторство и привлекательность сказок Волкова и Баума, куда более плодотворно изучать творчество каждого автора в контексте его собственной жизни и его текстов, чем основываясь на обобщениях и стереотипах любой культуры и системы ценностей» (с. 193).

Этот вывод, сделанный ученым, построившим свое исследование на обширном культурологическом фундаменте сравнения литературных процессов двух стран, звучит убедительно и воспринимается с особой актуальностью, в контексте новой волны идеологических нападков на детскую литературу, которые мы наблюдаем как в России, так и в мире в целом.

Книга американской исследовательницы Эрики Хабер представляет собой подробное многоаспектное исследование, которое, будучи написанным ясным, доходчивым языком, увлекает за собой читателя — не только ученого, но и простого любителя детских книг — в мир детской литературы, открывая переплетения судеб американской и русской литературной сказки. И что важно и ценно: автор сопровождает свою монографию обширной библиографией, которая не только послужит подспорьем будущим исследователям, но будет интересна и широкому кругу читателей.